

Когда-то Цзян Сюэнин и шицзы Янь обычно встречались по инициативе последнего, так что даже служанки уже привыкли время от времени видеть, как шицзы без стеснения появляется у стен дома Цзян или на подоконнике комнаты мисс. Было крайне редко, чтобы Цзян Сюэнин сама назначала встречу с наследным принцем.

Слушая спокойный голос Цзян Сюэнин, Тан-эр вдруг почувствовала необъяснимое беспокойство, но не осмелилась задавать вопросы и тихо согласилась. Цзян Сюэнин закрыла глаза, чтобы немного отдохнуть.

Карета покинула ворота дворца и направилась в сторону дома Цзян. Но не успели они отъехать далеко, как снаружи послышался приглушённый голос:

— Мисс Цзян, мисс Цзян!

Цзян Сюэнин показалось, что она слышала этот голос где-то раньше. Она открыла глаза.

Кучер, заметив человека, остановил карету и повернулся к ней:

— Мисс Цзян, это девушка, кажется, она ищет вас.

Цзян Сюэнин помахала рукой, и Лянь-эр приоткрыла занавеску кареты. На улице стояла Ю Фаньинь.

Она была одета в белое платье цвета полумесяца, которое выглядело не слишком новым. Её волосы были собраны в причёску, без украшений. На её лице, которое можно было назвать лишь милостивым, читалось беспокойство и волнение. Она держала руки в рукавах, кажется, что-то сжимая, но через ткань не было видно, что именно.

Напряжение Ю Фаньинь, казалось, исчезло, когда она подошла к карете и увидела сидящую внутри Цзян Сюэнин. Её глаза мгновенно засветились, и даже маленькая красная родинка у уголка глаза, казалось, озарилась светом.

Цзян Сюэнин была ослеплена внезапным оживлением в обычно таком невыразительном лице Ю Фаньинь и на мгновение потеряла дар речи, наблюдая за ней. Но в течение этих коротких мгновений Ю Фаньинь снова стала нервничать. Её прежний блеск быстро погас, и он снова уступил место её обычной робости и боязни.

Она начала говорить запинаясь:

— Я, я, я...

Цзян Сюэнин вздохнула и сказала:

— Заходи в карету и рассказывай.

Судя по её состоянию, казалось, что она вряд ли сможет быстро успокоиться, так что Цзян не хотела заставлять её стоять снаружи. Кучер поднёс табуретку и отошёл в сторону, позволяя Фаньинь забраться в карету.

Цзян Сюэнин предложила ей сесть напротив себя и спросила:

— Что тебе нужно от меня?

После того как Ю Фаньинь села, она немного растерялась и долго не могла решить, что

сказать. Посмотрев на Цзян Сюэнин пару раз, она, казалось, собрала в себе силы, набралась смелости и вытащила из рукава предмет, которого там прятала.

Это оказалась простая прямоугольная коробочка. Плоская, похоже, в ней не помещалось много вещей, и она была сделана из обычного дерева сургуча и груши, не очень ценного.

Ю Фанъинь дрожащими руками протянула коробку Цзян Сюэнин и заикаясь сказала:

— Это... это я хочу передать второй мисс.

Цзян Сюэнин предположила, что, возможно, она хочет поблагодарить её за спасение своей жизни, но она на самом деле не ожидала никакой благодарности. Она не протянула руку, чтобы взять подарок, и мягким голосом сказала:

— У тебя в доме и так не всё гладко, лучше оставь это себе. Если хочешь поблагодарить, сделай это, когда твоё положение улучшится.

— Нет, это не так... — быстро ответила Ю Фанъинь, поняв, что Цзян Сюэнин её не так поняла. В её голове крутилась тысяча слов, но она не могла сформулировать их в цельную фразу и была особенно нервной перед Цзян Сюэнин, что делало её ещё более растерянной и неловкой.

Она, несмотря ни на что, положила коробку в руки Цзян Сюэнин.

— Это обязательно для вас, вторая мисс, это всё ваше.

Её? Цзян Сюэнин не помнила, чтобы она что-то давала Ю Фанъинь, но её настойчивость и неловкость тронули её, и она улыбнулась:

— Тогда я посмотрю.

Цзян Сюэнин открыла коробку, и в следующий момент она была полностью ошеломлена...

В простом ящичке лежали тонкие пачки серебряных банкнот, а рядом — изысканно вышитый светло-голубой мешочек для ароматов. Банкноты были из самого крупного банка в столице, каждая на сто лиангов. Цзян Сюэнин, едва сдерживая дрожь, подняла их и быстро пересчитала — на две тысячи пятьсот лиангов!

Как могла младшая дочь из бедного дворянского дома располагать такими средствами? Увидев эти банкноты, Цзян Сюэнин мгновенно всё поняла, и в её глазах затеплился огонек, готовый переродиться в слёзы. Но она собралась с силами и спросила:

— Откуда у тебя столько денег?

Ю Фанъинь моргнула, недоумевая, почему Цзян Сюэнин задаёт этот вопрос:

— Разве не вы мне сказали? Взять деньги и купить шёлк у торговца по имени Сю Вэнь в торговой компании Цзянчжэ, а через полмесяца продать его, когда цена вырастет. Я купила шёлка на четыреста лиангов!

Она действительно сделала это... Цзян Сюэнин почти подавилась слезами. Однако, глядя на банкноты, она всё же посчитала и сказала:

— Даже если ты вложила четыреста лиангов и заработала втрое больше, это всего лишь

двенадцать сотен лиангов прибыли. С учётом основного капитала у тебя должно было быть всего шестнадцать сотен лиангов. Как у тебя оказалось две тысячи пятьсот?

Ю Фанъинь честно ответила:

— Я действительно заработала только двенадцать сотен лиангов. Но после продажи шёлка мистер Сю настаивал на том, чтобы дать мне ещё две тысячи лиангов. Я не могла его убедить, и после долгих уговоров он согласился добавить только девятьсот лиангов.

Цзян Сюэнин с удивлением спросила:

— Мистер Сю дал тебе деньги?

Ю Фанъинь кивнула, как маленькая птица, выбирающая зерно, и её глаза засияли:

— Да. Мой шёлк был продан, и шёлк мистера Сю тоже, мы заработали много денег. Когда фермеры из его родного города узнали об этом, они были очень рады. Они попросили мистера Сю передать мне, что если я захочу продолжить торговлю шёлком в следующем году, они отдадут мне некоторые из лучших партий, и я смогу взять их, заплатив только половину аванса!

Шёлк мистера Сю был продан... Цзян Сюэнин нахмурилась:

— Он знал, что цены на шёлк вырастут?

Ю Фанъинь, заметив изменение в её выражении лица, снова стала напряжённой. Голос её стал тише, и она заикалась:

— Он спросил меня, и я ему сказала. Но не волнуйтесь, я ни слова не говорила о вашем имени, и когда мистер Сю спросил, кто вы, я не сказала ни слова.

Цзян Сюэнин сидела, держа в руках ящичек с серебряными банкнотами, и не могла поверить в то, что слышит. Во-первых, в прошлой жизни Ю Фанъинь заработала в торговле шёлком только втрое больше, а сейчас она вложила четыреста лиангов и получила две тысячи пятьсот; во-вторых, эта девушка не только разбогатела сама, но и поделилась информацией с мистером Сю.

Цзян Сюэнин смотрела на неё сложным взглядом:

— Как ты могла ему это рассказать? Распространение такой информации может привести к неприятностям.

Ю Фанъинь побледнела и сжала руки:

— Но, но мистер Сю хороший человек...

Хороший человек?

Цзян Сюэнин, прожив две жизни, за исключением Чжан Чжэ, так и не поняла, что значит быть хорошим человеком. Она сказала:

— Откуда ты знаешь, что он хороший человек? Если бы он был ослеплён жадностью, ты бы сегодня не смогла бы встретиться со мной живой.

Эти слова напугали Ю Фанъинь. Она долго смотрела на Цзян Сюэнин, её глаза были широко раскрыты, как будто в них скрывались тысячи слов, но она не могла произнести ни одного.

Цзян Сюэнин вздохнула:

— Ладно.

Она попыталась вернуть кейс обратно, думая, что раз уж в этот раз всё обошлось, то достаточно будет предостеречь её в будущем. Однако Ю Фанъинь внезапно заговорила, голос её дрожал от страха, но в её взгляде проглядывала непонятная уверенность и настойчивость:

— Мисс Цзян, перед тем как я пошла в торговую палату Цзянчжэ, я спросила. Мистер Сю вложил в этот бизнес всё своё состояние, а фермеры его родного города ждут, когда он продаст шёлк и вернётся с деньгами. Моя тётя говорила мне, что если у человека много друзей, которые ему помогают, и много людей, которые готовы ему верить, то, по крайней мере, он не должен быть плохим человеком. Если бы я не сказала ему, что ему оставалось делать? А что с фермерами? Поэтому я...

Цзян Сюэнин замерла. Но в следующий момент она засмеялась. Однако, смеясь, она вдруг почувствовала в глубине души горечь. Слезы, которые она сдерживала, наконец выплеснулись из глаз и упали на банкноты в коробке.

— Дурочка... — произнесла Цзян Сюэнин.

Ю Фанъинь увидела, как Цзян Сюэнин начала улыбаться, и её лицо тоже озарилось радостью, думая, что Цзян Сюэнин её не упрекает и даже считает, что она поступила правильно. Но ещё не успев нарадоваться, Цзян Сюэнин вдруг заплакала. Ю Фанъинь в панике, не зная, что делать, суетливо подняла рукав, чтобы вытереть её слёзы:

— Не плачьте, не плачьте, это всё моя вина. Я знаю, что ошиблась, больше не буду никому говорить лишнего...

Слушая её слова, Цзян Сюэнин не могла остановить слёзы. Ю Фанъинь тоже заплакала, укоряя себя:

— Вы хотели, чтобы я заработала деньги, значит, я не сделала это достаточно хорошо. В этот раз я не заработала достаточно. Не плачьте, в следующий раз я буду учиться ещё усерднее, в следующий раз я обязательно заработаю для вас ещё больше. Намного больше...

«Действительно, дурочка», — подумала Цзян Сюэнин, плача и смеясь одновременно. Все чувства из прошлой и нынешней жизни всплывали внутри неё, образуя тяжёлое, но значимое чувство, которое, наконец, заставило её почувствовать землю под ногами. Она с трудом сдерживала рыдания, опустив взгляд на коробку с серебром, затем подняла голову, пытаясь остановить слёзы, голос её дрожал:

— Нет, ты уже сделала всё очень хорошо. Это я... Я не достаточно хороша.